

Народное образование в Тверской губ. в XVIII в. ¹⁾

1. Зарождение первых Тверских школ.

1.

Московская Русь не имела сети государственных школ. Частные и монастырские училища были единственными очагами знания. Большинство этих училищ были простыми школами грамотности, в которых учили читать и писать. Обычно сначала преподавалась азбука, потом читались часослов или псалтырь. Время обучения в массе случаев не могло быть продолжительным. Способные ученики оканчивали курс приблизительно в два года.

Учебные пособия состояли из рукописных книг и тетрадей, господствовавших в XV—XVI вв. В следующем столетии появились и печатные издания. По приходу-расходным книгам Московского печатного двора видно, что в первой половине XVII в. азбука была отпечатана в течение 4 лет—3 раза (1647—1651), в каждом случае с тиражем издания в 9.600 экз., учебный часослов за 7 лет издавался 8 раз и учебная псалтырь—за 6 лет—9 раз ²⁾. К этим пособиям с половины XVII в. добавлялась грамматика Мелетия Смотрицкого, напечатанная в Москве в 1648 г.

Частные и монастырские школы существовали и в Тверском крае. Источники не дают возможности установить количество училищ, но можно с уверенностью предположить, что все крупные монастыри, расположенные в городах, имели школы этого типа.

Из этих школ вышли и первые тверяки—ученые—П. Роговский и Л. Магницкий, своею деятельностью оставившие глубокий след в истории русского просвещения.

Павел Роговский—крестьянин Калязинского монастыря—родился в 1655 году. Не довольствуясь полученным на родине образованием, он в 1685 г. поступает в школу при Богоявленском монастыре в Москве, где в то время преподавали питомцы Падуанского университета—братья Лихуды.

Их преподавание разбудило в Роговском еще большее стремление к знанию. Московская Русь с ее уровнем культуры не могла удовлетворить его запросы. Он решился бежать за границу. Переменив веру, он учится в иезуитских школах в Вильне, Нейссе (Силезия) и Ольмюце (в Моравии). В 1692 г. он добрался до Рима, где поступил в греко-униатский коллегиум ³⁾. По окончании коллегиума он получил звание доктора богословия и философии. Взяв от Западно-Европейской

¹⁾ К 210-летию основания первой школы в Тверской губ.

²⁾ Акад. А. И. Соболевский. Образованность Московской Руси XV—XVII вв. Актовая речь в СПб. Унив. Отчет С. П. Б. Универ. за 1892 г. приложение, стр. 18.

³⁾ Католическое училище пропагандистского типа.

культуры все, что она могла ему дать, Роговский с большими затруднениями смог вернуться в Россию: 2 раза пришлось ему отречься от католичества, пока представители московской церкви не убедились в искренности его раскаяния.

В 1700 г. он был назначен ректором Славяно-Греко-Латинской Академии в Москве ¹⁾. Она представляла высшую школу среди учебных заведений того времени. Роговский проводит реформу преподавания в Академии, сближая ее учебный строй с известными ему Западно-Европейскими школами. Надломленный скитаниями и тяжелыми условиями жизни первый доктор философии в России безвременно сошел в могилу в 1703 г.

Современником Роговского был первый русский математик Л. Ф. Магницкий (1669—1739)—Тверской крестьянин,—уроженец пригородной Осташковской слободы ²⁾. Получив первоначальное образование в Осташкове, Магницкий поступает в Славяно-Греко-Латинскую Академию. По окончании ее становится преподавателем Московской Навигационной школы и одновременно работает над составлением учебника арифметики, издает таблицы логарифмов, наблюдает над изданием карт и книг. Учебник Магницкого был книгой, распространенной в школах начала XVIII века.

Роговский, Магницкий, позднее Ломоносов—звенья одной культурной цепи. Два тверских крестьянина были предшественниками архангельского крестьянина Ломоносова.

Деятельность первых относится к той переломной эпохе, которая составляет грань между Московскою Русью и Петровской империей.

Это было время, когда в связи с новыми общественными условиями расширилась потребность в образовании, когда монастырские и частные школы с их узкой программой были недостаточны для удовлетворения запросов государства в области знания. Назревала необходимость реформы, осуществление которой относится уже к первой четверти XVIII в.

II.

Возникновение первой школы в Тверской губ., организованной в порядке общегосударственной меры, относится к 1716/17 г. Указом Петра I от 28 декабря 1715 г. предписывалось устроить во всех городах цифирные школы и брать в них для обучения детей всякого звания в возрасте от 10 до 15 лет ³⁾. В этих школах учили, кроме чтения и письма, арифметике, геометрии и черчению.

В течение ближайших лет сеть цифирных школ стала разветвляться. В это время была организована и в Твери „от Адмиралтейства школа для ученья дьячих и подъяческих детей и прочих чинов“ ⁴⁾.

Петровские школы пополнялись учащимися в порядке обязательной повинности и немудрено, что были встречены населением недружелюбно. Уклонение от школьной повинности каралось штрафами. Репрессивные меры однако не давали положительных результатов. Из 42 цифирных школ, открытых с 1716 по 1722 г. в России, через пять лет осталось только 28, а через 20 лет едва уцелело лишь 8 школ ⁵⁾. Ученики разбегались и школы пустовали. Население просило об освобождении от обязанности посылать детей в училища и сенат в 1720 г.

¹⁾ Жур. 30 засед. Тв. Арх. Ком. 1890 г. стр. 10—11.

²⁾ Жур. 33 засед. Тв. Арх. Ком. 1891 г., стр. 10—12.

³⁾ В. Л. Шерб. Из истории русской школы. 1904, стр. 6.

⁴⁾ Кириллов. Цветущее состояние Великороссийского государства. М. 1831, стр. 78.

⁵⁾ Петрищев А. Из истории русской школы стр. 11.

по челобитью посадских людей постановил:... „детей к науке высылкой в неволю не понуждать, в том отцам их и свойственникам убытков и утеснения не чинить, а принимать в учение... таких, которые сами с собой к той науке охоту вызымеют“. Отмена принудительных пополнений школ учащимися не внесла изменений в учебное дело. Цифирные школы пустовали и в 1744 г. были повсеместно закрыты ¹⁾.

Таковы были судьбы первой школы, возникшей в Тверской провинции в XVIII в.

Параллельно с цифирной школой, несколько позднее, была организована и другая. Это была Епархиальная школа, для подготовки духовенства, основанная в 1722 г.

Этот тип школ возникал, как и первый, в связи с распоряжением правительства, предписывавшего озаботиться открытием училищ при архиерейских домах. Программа школы была не велика: в ней преподавались букварь, славянская грамматика, чтение и письмо.

В 1731 г. Епархиальная школа была реформирована по образцу греко-славянских школ, а через 8 лет—в 1739 г. она была преобразована в Семинарию, при чем в круг учебных предметов был введен и другой классический язык—латинский ²⁾.

Тверская Семинария, реорганизуясь, приобрела к середине XVIII в. все характерные черты духовных школ того времени. Учебный строй отражал в себе прежде всего увлечение классическими языками—греческим и латинским. Последний, будучи научным языком Западной Европы, проник в XVII в. в южно-русские школы, а позднее прочно завоевал и духовную школу Великороссии. „Преобладание латинского языка, обнаруживавшееся в русских училищах, есть общая черта европейской образованности того времени“, говорит акад. Сухомлинов. „Люди, стоявшие во главе образованного общества... утверждали необходимость образования при школьном влиянии латинского языка, на котором передавались все познания“ ³⁾.

В семинариях только в низшем классе, выделившемся позднее в приготовительный, велось преподавание на русском языке, во всех остальных исключительно на латинском. Вполне понятно, преподавание латинского языка занимало главное место в школьной программе. Правда, Духовный Регламент вводил в семинарии и светские науки: арифметику, геометрию, историю, физику и политику, но где и как преподавались они, об этом имеем очень мало определенных известий. Политика вовсе не проходила, физика преподавалась исключительно с философско-богословской точки зрения, даже арифметика занимала в семинарском курсе крайне неустойчивое положение ⁴⁾. Господство схоластики в духовных школах середины XVIII в. было безраздельным.

Что же давала школа своим питомцам? Трудность учебного материала, крайнее несовершенство методов преподавания вели к тому, что много учащихся не могло кончить курса. Лица, проходившие весь курс, насчитывались единицами. Лучшие ученики духовных школ уходили: ими пополнялись и первые светские учебные заведения—медико-хирургические школы, Московский университет. Один из учеников Тверской семинарии в 60-х гг. XVIII в. был командирован Академией Наук в Англию в Оксфордский университет, где получил степень действительного магистра наук ⁵⁾, но это были единицы.

¹⁾ Вл. Щербачев. Цит. сочин. стр. 7.

²⁾ Колосов, В. История Твер. Дух. Сем. Тверь 1889, стр. 5—7, 361—362 г.

³⁾ Ученые записки 2 отд. Акад. Наук, кн. I, 234 стр.

⁴⁾ Н. Смирнов. „Вопль купечских и разночинческих детей“ „Твер. Стар.“ 1911 г., сентябрь, стр. 11.

⁵⁾ Колосов, В. цит. сочин. стр. 144.

Большинство безнадежно сидело в том же классе по несколько лет, или просто выбывало из школы „по великовозрастию“, или за „невзятием латинской науки“.

Однако семинария оставалась с половины 40-х г.г. единственным учебным заведением в Твери. Лица, желавшие обучаться не по старине—у грамотных дьячков—должны были обращаться к нему, но преподавание на латинском языке отпугивало всех. Усвоение латинской грамоты отнимало много времени.

Была необходима реформа духовной школы. Попытки к этому начались снизу. Учебная администрация в лице ректора семинарии—Макария, стала применять с 1763 г. чтение лекций на русском языке и это новаторство продолжалось до 1770 г., когда было восстановлено преподавание на латинском языке.

В этот короткий срок Тверская семинария привлекла в свои стены и местных горожан. Среди них уже взрослым, состоящим на службе человеком, попал в качестве вольнослушателя и будущий первый историк Тверского края—Д. И. Карманов.

Чувствуя с детства „непреодолимую охоту к чтению книг и слушанию наук“, он с большим трудом проник в семинарию, где изучал догматическое богословие и другие науки, преподававшиеся в то время на русском языке.

Скоро возможность обучаться в Тверской семинарии была вновь закрыта для горожан: восстановилось преподавание на латинском языке. Двери единственной во всем крае школы оказались закрытыми для торгово-промышленного класса. Других учебных заведений не было, между тем потребность в образовании, как увидим далее, выросла.

2. Борьба тверских горожан за школу в 60—70 гг. XVIII в.

К середине 60-х гг. между тверской действительностью в области просвещения и запросами торгово-промышленного класса в отношении образования создалось противоречие.

Духовная школа не могла удовлетворить культурных запросов горожан ни своей программой, ни постановкой учебного дела с обязательным преподаванием на латинском языке. Выросшие за 50 лет потребности в образовании пробудили не только интерес к нему. Тверские горожане требовали свою школу, они очерчивали и ее программу.

В это время появляется и публицистический трактат, протестующий против схоластического строя духовной школы, с ее крайним увлечением классическими языками. Этот трактат исходил из того же круга людей, которые выдвигают и проект училища „для купецких детей“.

Вопросы образования стали предметом обсуждения населения Твери в 1767 г. Толчком к этому послужило составление наказа депутату, которого посылали горожане в Екатерининскую комиссию 1767 года. Депутатские наказы по справедливости считаются исследователями „анкетой, произведенной в русском обществе середины XVIII в.“. Этот источник дает представление о тех нуждах и запросах, которые существовали в русском обществе в 60-х годах.

Среди обширного делопроизводства Комиссии 1767 г. материалы, относящиеся непосредственно к школе и просвещению, занимают весьма скромное место. По вычислениям В. Н. Бочкарева лишь 8,16% всех наказов проявили интерес к культурным нуждам населения. Больше всего внимания уделили дворяне (24,02% всех наказов), среднее место

занимают горожане (5,27%) и последнее место занимают сельские избиратели (0,63% наказов¹⁾.

Чтобы понять, почему так мало интересовался вопросами образования торгово-промышленный класс России, нужно вспомнить те условия, в которых находился город в XVIII стол. В рамках крепостного строя, ему было трудно расти и развиваться. Малограмотность и невежество являлись привычным явлением жизни. Но посадский мир рос вместе с развитием промышленности и торговли. Сношения с портовыми городами, столкновения на рынке с западно-европейскими покупателями вызвали среди городского населения тягу к просвещению; возникало сознание необходимости образования. Торговый люд наиболее развитых экономических городов приходил первым к этому сознанию. Наиболее передовые города в своих наказах высказывались за развитие образования среди купечества, намечались проекты учебных планов, мероприятия к организации школ.

Какие же это были города? Их перечень достаточно ясно говорит за себя: Архангельск, жители которого дали целую программу училищ, Симбирск, Вязьма, Вологда, Тверь.

Не случайно в этом списке находим и Тверь. Она в XVIII в. выросла после устройства Вышне-Волоцкого канала, сделавшись товарной станцией на линии Каспий—Балтийское море. Бойкая торговля ее с южными речными пристанями, коммерческие отношения с Петербургским и Рижским портами способствовали экономическому возрождению города после пожара 1763 г. Расширялся и умственный кругозор купечества, бывавшего и в столицах, встречавшегося с граничными экспортерами в приморских гаванях.

Оставляя в стороне другие указы, обратимся к наказу жителей г. Твери, тем более, что он остался почти не затронутым в статье В. Н. Бочкарева. Что же намечал к осуществлению в области просвещения торгово-промышленный люд Твери? В 15 пункте наказа своему депутату Михаилу Вагину горожане оформили свои пожелания относительно школы. „Учреждено было б“, читаем в наказе, „для купецких детей училище в коем обучать для лучшей способности и скорейшего окончания наук на российском языке грамматике, арифметике, истории, географии, риторике, философии с юриспруденцией и священной догматической богословии, но таким способом, который бы званию купца соответствовал, то есть был бы он для купца и доволен и не требовал бы весьма долгого времени, чтоб купецкие дети, обучались оным, имели время обучаться и купечеству“²⁾. Далее тверское купечество предлагало правительству: 1) принять школу и учителей на государственные средства и 2) содержать на казенный счет тех учеников, которые принадлежат к беднейшим семьям и к числу сирот. Мотивировкой к последнему пожеланию была ссылка на тверской пожар, приведший в упадок купечество.

В такте наказа при внимательном разборе обращают на себя внимание три момента: 1) пожелание об обучении „на российском языке“, пожелание на первый взгляд лишнее, самое собою разумеющееся, 2) программа училища для купецких детей, откуда-то заимствованная и 3) еще более странное пожелание о преподавании „догматической богословии таким способом, который бы соответствовал званию купца“, т. е., как поясняет далее составитель наказа, „не требовал долгого времени“.

¹⁾ В. Бочкарев. Культурные запросы рус. общества начала царствования Екатерины II. „Русск. Стар.“ 1915 г., кн. I, стр. 64—65.

²⁾ Сбор. Рус. Ист. Общ. т. 107 стр. 432 СПб. 1900.

Для выяснения всех этих вопросов необходимо вспомнить, что единственным образцом школы, из которого могли исходить тверские горожане—была духовная семинария, что в 60-х г.г. в числе ее вольнослушателей находились и некоторые из тверских горожан. Преподавание на латинском языке было для них сильным препятствием и вполне понятно, что они подчеркивают требование обучения на „русском языке“. Ясно отсюда, что и программа сословной купеческой школы рисовалась им в виде измененной программы семинарии, с сокращением богословских и усилением общеобразовательных предметов. Догматическое богословие, риторика, философия—все это были предметы из семинарской программы. Находившиеся в семинарии в загоне арифметика, история и география ставились горожанами на первое место. Грамота, счет, знание географии и начатки юриспруденции—вот что прежде всего нужно было тверскому купечеству.

Совершенно понятным становится и требование сокращенной программы по богословию. Путем опыта лица, принимавшие участие в составлении наказа, знали, как много времени требуется на усвоение этого предмета в круге семинарских наук и логическим выводом из этого было пожелание об уменьшенном объеме курса, облеченное в такую тяжелую форму, что автору потребовалось две—три фразы для дополнительных пояснений своей мысли.

Итак, очевидно, что пожелания тверского купечества в области школьного дела вытекали из критики и переработки программы Тверской семинарии под своим углом зрения. Остается неясным, кто же проводил эту работу? Чьи наблюдения легли в основу редакции 15-го пункта наказа? Мы не могли просмотреть подписей под наказом, так как печатное издание наказов, к сожалению, не воспроизвело их, но можно с уверенностью сказать, что среди лиц, подписавших наказ, найдем и имя первого нотариуса г. Твери—Д. И. Карманова. К этому выводу приводит не только сопоставление биографических данных, не только стиль текста, но сопоставление наказа с другим близким ему по времени источником—публицистическим трактатом, носящим название „Вопль купечских и разночинческих детей“.

Это произведение тверской публицистики XVIII века не один раз привлекало к себе внимание исследователей. Первый по времени автор и издатель трудов Д. И. Карманова, В. И. Колосов отметил значение источника и установил принадлежность его Карманову ¹⁾. Другим исследователем „Вопля“ был П. Струве, поместивший в одном из журналов статью под заглавием „Любопытный обывательский протест против школьного классицизма XVIII в.“ ²⁾. Наконец, безвременно погибший молодой историк литературы—Н. П. Смирнов посвятил этому трактату статью ³⁾, где подробно остановился на истории просвещения XVIII в. Все эти работы, вышедшие в разное время, не использовали наказа Тверских горожан и не дали полного анализа памятника. В. И. Колосов, установив причастность Д. И. Карманова к трактату, не остановился на обстановке его появления, П. Струве обошел молчанием историю образования той эпохи, Н. П. Смирнов не успел закончить своей работы.

„Вопль купечских и разночинческих детей“—представляет собою петицию, поданную арх. Платону группой тверских горожан, заключающую в себе просьбу облегчить получение знаний в семинарии тем из

¹⁾ Д. И. Карманов. Собрание сочинений. Т. 1893. Издал. В. И. Колосов. См. также В. Колосов „История Тверской Семинарии“ Т. 1889, стр. 150.

²⁾ Журнал „Мир божий“ 1901 г. Май.

³⁾ „Тверская Старина“ 1911 г. июль—декабрь, 1913 г. № 5—6.

горожан, которые хотят учиться. Петиция указывает и меры к осуществлению их просьбы—это введение в семинарии преподавания на русском языке, которое, как было отмечено выше, прекратилось в 1770 г. по распоряжению Платона.

Кем составлялась петиция? Участие в ней Д. И. Карманова установлено вполне точно. „Из купецких и разночинческих детей“ г. Твери едва ли кто мог ближе знать недостатки учебного строя духовной школы, необыкновенно метко их подчеркнуть и оттенить и дать целый стройный план преобразования школы, значительно опередившей свое время. Карманов был вольнослушателем семинарии, уже взрослым он пополнял свое образование. Не даром трактат отмечает пользу обучения на русском языке для „возрастных мужей и занятых должностями“. Участвуя в составлении „Вопля“, Д. И. Карманов, выражал мнение не маленькой группы горожан, а мнение большого круга людей. Ведь 15-й пункт наказа, составленный в 1766 год, т. е. на 4 года ранее, был мнением всех посадских людей¹⁾. После того, как тверитяне увидели, что их пожелание не выполнено Законодательной Комиссией 1767 года, после того, как в 1770 году было восстановлено преподавание в семинарии на латинском языке, оставалось добиваться реформы тверской духовной школы с таким расчетом, чтобы в ней могли учиться и купеческие, и разночинческие дети. Вот обстановка появления „Вопля“. Толчок, данный составлением наказа в Комиссию 1767 г., не прошел бесследно. Горожане, составляя свои пожелания в Законодательную Комиссию, считали, что эта форма—форма коллективного обращения к административной власти применима и к высшей местной администрации, в ведении которой находилась духовная школа губернии.

„Вопль“ начинается с обращения к епископу, где составители, отмечая его личные качества, указывают на разрешение духовной администрации обучаться в семинарии детям купечества. „Хотя“ читаем в источнике, вы „и повелели нас в ваших училищах обучать,..“ но к великому сожалению родители наши в школы не посылают, рассуждая, что науки преподаются обыкновенно на латинском языке“. Изучение последнего, по мнению автора, может затруднять купечество, т. к. для этого во 1-х, нужен двойной труд, во 2-х, латинский язык может в некоторых из нас „умы утрудить и через то охоту к дальнейшему упражнению в науках попортить“²⁾.

В доказательство губительного влияния преподавания на латинском языке источник ссылается на пример семинаристов, которые обучались латинскому языку, почувствовали в себе „скуку“ и выходили из школы без законченного образования.

Сохраняя тон обращения к администрации детей, источник замечает: „справедливо ли родители наши рассуждают,—мы разобрать не можем только сожаления достойными себя признаем, что лишаемся драгоценных наук бисеров“.

После этой мотивировки недостаточности для купечества разрешения обучаться в семинарии при сохранении старого учебного строя, автор переходит к практическим предложениям. Он просит открыть „врата наук“ купечеству, дав разрешение преподавать науки в училищах губернии „на российском языке“. Латинскому языку же отводится в предложении—соответствующее место. Он должен преподаваться отдельно, как и другие языки. К обучению к нему привлекаются способнейшие из учеников. Для всех учащихся он не нужен.

¹⁾ Наказ подписан 72 купцами.

²⁾ Д. И. Карманов, Собр. сочинений, Т. 1893, стр. 157—158.

Предложив администрации основную реформу духовной школы, источник намечает далее и другие изменения, именно реформу учебного плана. Горожане находили, что в круг семинарских наук кроме существовавшей философии необходимо добавлять физику и „натуральную историю“. Необходимость расширения естествознания аргументировалась пользой всему обществу, желанием всего Российского общества, необходимостью познания „живых существ и их причин, сил и действий“¹⁾.

Желая усилить доказательства необходимости изменений в учебной жизни семинарии, автор „Вопля“ ссылается на Екатерину 2-ю, по повелению которой переводились книги с иностранных языков на русский, чтобы подданные ее могли почерпнуть из собственных кладезей науки и просвещение, не утруждая себя, кому нет нужды, учением других языков.

Указав на те препятствия, которые существуют для детей торгового промышленного мира Твери при поступлении учиться в единственную тогда школу города, высказав мнение о необходимости дополнения семинарского курса преподаванием физики и натуральной истории—источник делает практический вывод о той пользе, которую принесет предлагаемая реформа. Значение реформы, по мнению автора трактата, имеет двойную ценность. Не только дети могут получать образование в семинарии, но и взрослые будут пополнять свое образование. Единственная в городе школа рисуется автору „Вопля“ учреждением не только школьного, но и внешкольного характера, как сказали бы теперь. „Такая удобность в приобретении просвещения“—говорит автор источника, дает возможность „возрастным и должностным занятым мужам... в свободное от должности время и в слушании наук упражняться, как-вых“, добавляет автор для подтверждения своей мысли, „мы и ныне видим“²⁾. Они „с великою охотою устремились бы“ приобрести просвещение.

В этих последних фразах анонимный автор „Вопля“ выдает себя. Кто же взрослым, состоящим на службе человеком, ходил слушать семинарские лекции? Одним из таких лиц и был Д. И. Карманов—первый Тверской историк-краевед, автор ряда исторических работ о Тверском крае.

Если сравнить „Вопль купецких детей“ со статьей „Наказа“ тверских горожан, можно найти сближающие их моменты. Если горожане, указывая на необходимость открытия школы для купечества, включали догматическое богословие из семинарской программы, если они оговаривали необходимость преподавания способом, не требующим долгого времени для изучения этого предмета, и подчеркивали необходимость преподавания в будущей купеческой школе на русском языке, то ведь и основная мысль „Вопля“ сводилась как раз к этому.

Классицизм в его утрированной форме, существовавшей на глазах тверских горожан в семинарии и затруднявший доступ к образованию, вызывал энергичный протест со стороны торгового-промышленного люда. Он был основным препятствием сделать из семинарии школу доступную не только духовенству, но и посадскому миру развивавшегося экономически и культурно города.

Д. И. Карманов и группа близких ему тверских горожан были выразителями той тяги к просвещению, которая существовала у тверитян и которая отражалась и в „Наказе“, и в „Вопле“. Ближайшими

¹⁾ Д. И. Карманов, цит. соч., стр. 159.

²⁾ Д. И. Карманов, цит. сочин., стр. 160.

причинами появления второго из названных источников были, повидимому, следующие обстоятельства. После окончания работ Законодательной Комиссии 1767 г. у тверских горожан осталось впечатление, что мысль об открытии школы для них, о чем они просили правительство, не осуществится скоро. Попрежнему приходилось обращаться за получением знаний в семинарию.

Этот единственный путь к просвещению вскоре был закрыт местной духовной администрацией, когда с 1770 года семинария перешла в чтение лекций на латинский язык. Горожанам действительно оставалось только протестовать против возвращения латыни, как языку преподавания и усиленно добиваться реформы духовной школы.

К какому же времени можно отнести появление „Вопля“? Несомненно, что он был написан между 1770—1776 годами. Сделать такое заключение позволяют два обстоятельства. До 1770 г. ведь преподавание в семинарии велось на русском языке. В 1776 г. была открыта школа в Твери, где горожане могли обучать своих детей. Следовательно, в это глухое для тверских горожан время и мог появиться „Вопль“—этот интересный коллективный протест против классицизма, господствовавшего в школах XVIII века.

Этот протест не имел положительных результатов. Местная духовная администрация в лице архиеп. Платона Левшина отнеслась несочувственно к просьбе горожан. „Мне кажется“, писал архиепископ, давно бы могло, если бы только захотело, гражданство завести на своем содержании порядочное преподавание наук народным языком; а для сего потребными учителями семинария, конечно бы, не отеклась снабдить“. Горожанам пришлось ожидать своей школы и ждать, как увидим дальше, недолго.

3. Народное образование в Тверской губ. 80-х гг. XVIII в.

Шестидесятые и семидесятые годы XVIII века были временем перелома в истории просвещения Тверской губ. Потребность в школах, сознание необходимости получения знаний, обсуждение вопросов образования обществом вот те характерные черты, которыми отличается эта эпоха от предшествующей поры 20, 30, 40-х годов. Нельзя расширять этих черт, приписывать их обществу в целом. Отдельные классы реагировали на вопросы образования неодинаково. Инертность, косность и зачастую непонимание культурных нужд было попрежнему бытовым явлением русского общества XVIII века, но помимо этих старых черт жизнь достаточно ярко оттеняла новые.

Усложнение хозяйственной жизни, административная губернская реформа, очертившая новые границы созданной губернии, организация губернского и уездного аппарата управления, оживление помещичьих усадеб в связи с приездом в них их владельцев-дворян после манифеста 1762 г.—вот те экономические и общественно-политические предпосылки, служившие причинами роста школьного дела в Тверском крае.

Естественно, что первые признаки роста школ наблюдались среди возникших ранее других духовных учебных заведений. Единственная в первой половине XVIII в. Тверская семинария обрастает теперь рядом училищ в уездных городах. В 1768 г. произошло открытие первого филиального отделения в Тверской Семинарии в г. Кашине при Дмитровском монастыре, рассчитанного на обучение детей местного духовенства с младшими классами тогдашней духовной школы. В 80-х гг. число учащихся дошло в этом училище до 200 человек.¹⁾

¹⁾ Генеральное Соображение по Твер. губ. Т. 1873. стр. 34.

В 70-х гг. открываются училища духовного ведомства в Торжке, при Борисоглебском монастыре, в Осташкове при Житенном манастыре, в 1777 г.—в Бежецке, где в 1783 г. обучается 151 чел., среднее количество учащихся в каждом из 4 уездных духовных школ доходит до 200 человек. Растет в количественном отношении и Тверская Семинария, число учащихся в которой достигает до 700—955 чел.¹⁾

Вместо 140—150 учащихся в духовных школах 40—50 годов²⁾ к концу XVIII века число их доходило 1706 человек.

Не могла остаться неудовлетворенной и тяга к образованию, наблюдавшаяся среди горожан. Хотя, по мнению одного из исследователей культурных запросов отдельных классов русского общества в. 60 г., правительство не осуществило пожеланий населения и заявления Екатерининского правительства остались „жестом, лишенным реального значения“,³⁾ на самом деле это положение неверно и нуждается в большой поправке. Пожелания, высказанные горожанами в наказах, не могли остаться пустым звуком. Правительство Екатерины II должно было считаться с голосом дворянства и торгово-промышленного класса.

Проведение губернской реформы совпало с развертыванием сети школ, намеченной реформой народного образования конца XVIII столетия.

В 70—80 гг. возникает система общеобразовательных школ, разделенных на две категории: а) главные училища—в губернских городах и б) малые училища—в уездных. Не останавливаясь подробно на учебном плане Екатерининских школ, отметим, что „малая школа“ состояла из двух классов, „главное училище“ из четырех. Обучение шло концентрически: каждый старший класс развивал и дополнял курс предыдущего. В первом классе проходило чтение, письмо, знание цифр, начало русской грамматики, катехизис и священная история, во втором—те же предметы и чистописание с рисованием. Эти 2 класса составляли и первый концентр главного училища. Програма третьего класса состояла из следующих предметов: катехизиса, русской грамматики, всеобщей и русской истории, краткой географии России и курса арифметики. Преподавание в старших классах посвящалось более подробному прохождению истории и географии, грамматике и писанию сочинений делового характера и ознакомлению учащихся с основами геометрии, механики, физики, естественной истории и гражданской архитектуры⁴⁾.

Контингент учащихся состоял, главным образом, из детей купцов, мещан, дети дворян составляли незначительный %, так как дворянство отнеслось к новым школам с недоверием. Учащиеся в большинстве случаев ограничивались первыми двумя классами и затем шли в чиновники. Подавляющее большинство не доходило до старших классов главного училища.⁵⁾ Содержание всех училищ не было принято на счет казны, а возложено на „приказы общественного призрения“, денежные средства которых оказались недостаточными, чтобы справиться с возложенной на них задачей.

Первое малое училище из сети Екатерининских школ было открыто в 1776 г. в Твери. Оно было рассчитано на 200 человек⁶⁾. Открытие уездных малых училищ происходило несколько позже. В Кашине

¹⁾ Генер. Сообр. Т. 1873, стр. 22.

²⁾ Колосов В. Цит. соч. стр. 53.

³⁾ В. Н. Бочкарев, Цитир. статья, „Рус. Стар.“ 1915 г. кн. V.

⁴⁾ Б-ский. Краткое обозрение истории гимназии в России. СПб. 1908, стр. 6—7 Милюков. Очерки по истории русс. культуры ч. II очерк 7 „Школа и образование“.

⁵⁾ Там же.

⁶⁾ Генер. Сообр. Т. 1873, стр. 20.

школа была открыта в 1777 г., при чем Приказ Общественного Призрения поручил ее „в смотрение городничему и городскому голове“. В том же году возникли училища в других уездных городах губернии: Калязине, Бежецке, Весьегонске, Вышнем Волочке, Осташкове, Ржеве, Зубцове, Старице и Торжке. Несколько позднее организовались школы в тех городах, которые стали уездными центрами из сел: в Красном Холме— в 1781 г. и в Корчеве 1782 г. ¹⁾).

Значительно позднее возникло „главное училище“—в губернском центре. Сеть губернских учреждений, развертывавшаяся в порядке проведения губернской реформы 1775 г. осуществлялась правительством на территории Тверской губ. хронологически ранее, чем в других. Немудрено, что Тверь попала в число „знатнейших городов“, где Екатерининская „Комиссия об учреждении училищ“ наметала открыть и 2-ой концентр—„главное училище“.

Осуществление этой школьной сети должно было происходить „без отягощения казны и без оскудения других полезных учреждений“, за счет городских средств. В августе 1787 г. правителю Тверского наместничества было указано, чтоб он созвал „голов степенных“, чтобы они вместе с городничими подыскали „приличные дома“ и назначили нужное содержание для школы. Городской голова г. Твери К. Светогоров должен был ответить, что в распоряжении городской думы находится всего лишь 382 р. 50 к., что „шестигласная“, созданная недавно, дума еще не собиралась. Однако, ретивая администрация, в лице ген-губ. Архарова, 13 сентября письмом на имя городского головы указывала, что день открытия школы—22 сентября, что тверскому купечеству, получившему щедрые ассигнования правительства Екатерины II на восстановление Твери после пожара 1763 г. нельзя не быть благодарным. Генерал-губернатор предлагал поспешить „добровольным и щедрым назначением из своего имущества“. Этот официальный призыв на пожертвования имел своим результатом постановление думы об ассигновании из городских средств 1.000 руб и по подписке, в которой приняли участие наиболее крупные представители торгового капитала г. Твери, было собрано 1.500 руб. ²⁾; к этим жертвователям примкнул и Д. Карманов, внося из своих небольших средств 10 руб. Сборы пожертвований были произведены в 3 дня, и 16 сентября правитель Тверского наместничества, констатируя недостаточность собранной и ассигнованной суммы на училище, рекомендовал „потщиться умножить градские доходы“.

Главное училище было открыто в указанный генерал-губернатором срок—22 сентября 1786 г., а через 2 дня Тверские горожане ассигновали 10.000 руб. на 4 года на содержание школы, укрепив тем самым материальную базу нового очага просвещения губернии.

Правительство Екатерины II „с особливым удовольствием“ отмечало „похвальные подвиги граждан на пользу училищ“. Губернатор же за быстроту приведения в исполнение предначертаний императрицы получил „монаршее благоволение“.

Таким образом школьная реформа 70—80 гг. XVIII стол. получила свое завершение на территории губернии. Запросы торгово-промышленного класса в области просвещения были удовлетворены полностью, даже может быть опережали в ряде экономически и культурно слабых городов стремление к знанию.

¹⁾ Там же

²⁾ В. Колосов. Тверь в царствование Екатерины II Т. 1896, стр. 15.

Иначе отнеслось к сети Екатерининских школ дворянство. Оно хотело иметь свою—сословную школу. Эта мысль впервые была высказана в наказах Тверского и Кашинского дворянства ¹⁾ депутатам Комиссии для составления нового уложения. Аргументы, приводившиеся дворянством, сводились к тому, что мелкопоместные дворяне из-за отсутствия средств не могут посылать детей в столицы, вследствие чего дети лишаются „пристойных благородному дворянству наук“, а школы в столичных городах не доступны из-за дальности расстояния. Особенно подробно развивает эти мысли Кашинский наказ. „Многие дворяне“, говорит источник, своих детей бедности, не только на своем коште обучать, но и в определенные для детей школы, за дальностью, отвозить не могут; да и не редко случается и то, что и в тех местах, за полным комплектом, не принимают... а иные за сиротством остаются без всякого образования“.

Тверское дворянство считало, что школы должны содержаться за счет правительства, плата же за содержание учеников должна лежать на родителях.

Наказ Кашинского дворянства намечал и учебный план школы. Он состоял из следующих предметов: закона божия, немецкого и французского языков, рисования, фехтования, арифметики, геометрии, тригонометрии, артиллерии и фортификации. В школе должны были обучаться дети от 7 до 16 лет ²⁾. По окончании учения, в зависимости от успешности, учащиеся должны были получать „унтер-офицерские или другие чины“. Как видно из перечня предметов проектировавшейся Кашинским дворянством школы, военные науки вместе с иностранными языками занимали доминирующее место. Эти требования к школе вытекали из общих социально-политических условий, которые так типичны для истории образования эпохи господства дворянства в России и на Западе.

Осуществление проекта организации дворянского училища в Тверской губ. относится к концу 70-х гг. и находилось в тесной связи с оживлением помещичьих усадеб после освобождения дворянства от обязательной службы государству. Толчком, разбудившим инициативу тверского дворянства, без сомнения было открытие училищ по городам губернии. В это время (1776—78) дворянство на чрезвычайных уездных собраниях постановило для создания средств на свою школу внести в Приказ Общественного Призрения по 10 коп. с крепостной души на постройку здания училища и на другие расходы. В 1779 г. при новых съездах дворян вынесенное раньше постановление было расширено: дворянство решило в течение трех лет ежегодно повторять сборы, но уже в меньшем размере—по 5 коп. с ревизской крепостной души „на содержание и обучение вступающих в училище детей“, обязывалось вместе с тем делать новые ассигнования в будущем для „благородного училища“. К 1779 г. Приказ Общественного Призрения успел уже отстроить часть училищного здания для учеников, вступавших первыми в вновь организованную сословную школу. В этом же году возникавшая школа получила и свой организационный устав. В Москве, в Университетской типографии было напечатано „Положение общества дворянского Тверского наместничества и план училища, учреждаемого в Твери на общественном дворянском иждивении“ ³⁾, составленное Т. И. Тутолминым.

¹⁾ Сборник Рус. Ист. Общ. т. IV, стр. 468—469, т. XIV, стр. 327.

²⁾ Сб. Рус. Ист. Общ. т. IV, стр. 468—469.

³⁾ Перепечатано в „Сборнике Тверского Общ. Любит. Истории, Археологии и Естествознания“ вып. I Т. 1903, стр. 396—409 с вступительной статьей В. И. Колосова.

Что могло служить образцом плана дворянского училища, каковы основные идеи „плана“? На этот вопрос дает ответ сам источник. Тверское дворянство поставило целью при составлении плана следовать предписаниям, утвержденным для других училищ и особенно тем, по которым воспитываются „благородно-рожденные дети“ в шляхетном сухопутном кадетском корпусе. Вот какое учебное заведение служило образцом. Тверские дворяне хотели иметь ближе к себе копию той столичной школы, где некоторые из них учились сами. Повидимому, этот образец лег и в основу учебного плана школы, намеченного в Наказе Кашинского дворянства.

В Тверское дворянское училище могли поступать только дети дворян мужского пола, достигшие юношеского и отроческого возраста. Дети, определенные отцами на службу,—принимались также в качестве пансионеров.

В школе было 3 класса—ступени, каждый с трехлетним курсом. Дети от 8 до 11 лет принимались раз в три года, остальные ежегодно. Обучение для тверских дворян было бесплатным—с иногородних взималась плата в 120 руб. в год.

Много уделялось внимания и вопросам воспитания. Цель школы заключалась не только в образовании, нужно было развить чувства любви к отечеству и гражданского долга, чтобы потом считалось за стыд, пользуясь наследственными привилегиями, уклоняться от государственной службы. Имея в виду будущую военную службу, рекомендовалось приучать к службе, избегать изнеженности. Физическое развитие детей также должно было стоять на видном месте.

В числе основных задач воспитания указывалось усвоение изящных манер, упражнения в танцах, фехтовании и верховой езде ¹⁾.

Учебный строй дворянской школы состоял в усвоении ряда наук и новых языков. Науки делились на: 1) обще-образовательные: русский язык, космография, география, арифметика, геометрия, и 2) специальные: фортификация, тактика, государственное право, рисование и геодезическая съемка.

Воспитанники не должны были подвергаться телесному наказанию, для виновных рекомендовались другие меры: увещание, выговор, лишение обеда, карцер.

Нужно отметить, что уставом школы предполагались и права для окончивших училище, именно предоставление, по примеру других дворянских сословных школ, права на чин поручика при определении на военную и гражданскую службу.

К середине 80-х гг. в Тверской дворянской школе числилось от 60 до 85 чел. учащихся. Далеко не все губернское дворянство пользовалось местной школой. По данным „Генерального Соображения“, из 5.503 чел. дворян мужского пола, только 2.349 чел. проживали в своих имениях и в городах губернии. 60% дворянства служило и находилось в столицах, где учились и их дети ²⁾. Многие из дворян предпочитали домашнее образование для своих детей, нанимая учителей и гувернеров к себе в поместья.

III.

Если школьной сетью, развернувшейся к 80 г. XVIII века, были удовлетворены запросы в области образования дворянства и торгового

¹⁾ Инякина А. План дворянского в Твери училища. Сбор. Общ. Любит. Ист., Археологии и Естествознания Т. I стр. 399—409.

²⁾ Генеральное Соображение по Твер. губ. Т. 1873.

промышленного класса, то интересно знать, удовлетворялись ли хоть в какой либо мере культурные запросы Тверской деревни? Уже Законодательная Комиссия 1767 г. должна была поставить этот вопрос. Депутат от государственных крестьян Нижегородской губ. просил в Комиссии об учреждении для детей государственных крестьян школы. Это предложение встретило решительное сопротивление со стороны некоторых дворянских депутатов, которые находили, что училищ для крестьян „совсем иметь не надлежит“, но все-таки была учреждена особая Комиссия, выработавшая проект деревенских училищ, оставшийся правдой не осуществленным¹⁾.

Частичные мероприятия по организации школ в деревнях, населенных государственными крестьянами все же были проведены в 80 гг.

В Тверской губ. тот же приказ Общественного Призрения должен был заботиться об открытии школ для государственных крестьян. Школы возникали в наиболее многочисленных селениях казенного ведомства. Автор „Генерального Соображения“ отмечает, что в эти школы „на первый случай“ помещались „крестьянские дети, оставшиеся в сиротстве“. „Собственное желание“ обучать в школе детей наблюдалось тогда у „имущих и домовитых поселян“²⁾. Государственные крестьяне, не знавшие тяжести крепостного права, жили в экономическом отношении значительно лучше крепостных. Выделение слоя зажиточных крестьян шло здесь значительно быстрее.

Совершенно особняком стоит интересная попытка организации в Тверской губ. училища огнестойкого строительства. Инициатива в этом деле принадлежала Новоторжскому помещику Н. А. Львову, который представил Павлу I проект организации такой школы для крестьян и выстроил в г. Павловске несколько „землебитных строений“ в качестве образца. Училище находилось в с. Никольском, Новоторжского у. Кадр учеников состоял из государственных крестьян каждой безлесной губернии, кроме того помещикам предоставлялось право посылать учеников из своих крепостных на добровольных условиях с начальником училища. Открыть школу было разрешено указом Павла I в 1797 г., а губернаторам было приказано доставить учеников. Таким путем было собрано 248 человек, отправка которых обошлась сельским обществам 14.000 руб., не считая снабжения обувью и одеждой. Курс обучения был 18 месячный и начинался с марта мес. 1798 г. Окончившим училище было присвоено звание мастера и было дано освобождение от военной службы. Чтобы иметь земли, где бы ученики могли производить практические занятия, Н. А. Львову были отданы в собственность бывшие земли Московского Симонова монастыря, называвшиеся „Тюхольскими казенными покосами“³⁾. К 1800 г. вернулись в свои губернии мастерами из 16 учеников Нижегородской губ. только 3 человека и трое из 4-х—Тобольской, остальные еще не окончили курса. В начале 19 века школа распалась, не дав ценных практических навыков огнестойкого строительства крестьянству, да и при тогдашних запасах лесов население естественно предпочитало строить избы из дерева.

Итак, к концу XVIII в. сеть школ Тверской губ. состояла из ряда учебных заведений, расположенных в следующих городах:

¹⁾ В. Л. Щерба, цит. соч. стр. 8.

²⁾ Это наблюдение сделано современником в уездах: Тверском, Кашинском, Бежецком, Корчевском, Новоторжском и др.

³⁾ Журнал 42 заседания Тверск. Арх. Ком. Резюме архивного дела, представленное П. Ф. Соколовым, стр. 12—15.

	Дворянские школы.		Главные и малые городские школы.		Духовные школы.	
	Школ.	Учащихся.	Школ.	Учащихся.	Школ.	Учащихся.
1. Тверь.	1	85	2	—	1	955
2. Бежецк	—	—	1	сведений нет.	1	151
3. Вышний Волочек	—	—	1	„	—	—
4. Весьегонск.	—	—	1	„	—	—
5. Зубцов	—	—	1	„	—	—
6. Калязин	—	—	1	„	—	—
7. Кашин	—	—	1	„	1	200
8. Корчева	—	—	1	„	—	—
9. Красный Холм	—	—	1	„	—	—
10. Осташков	—	—	1	„	1	200
11. Ржев	—	—	1	„	—	—
12. Старица	—	—	1	„	—	—
13. Торжок	—	—	1	„	1	200
	1	85	14	— ¹⁾	5	1706

Развитие народного образования в Тверской губ. за XVIII столетие, отражая обще-государственные мероприятия, имело и некоторые отличительные, местные черты. Первой из них является сознание торгово-промышленным классом необходимости организации школы, которое привело к постановке этого вопроса не только на избирательном собрании 1766 г., но и в тогдашней публицистике. Далее, выдвигая идею общеобразовательной школы „для купецких детей“, тверские граждане дали впервые в истории педагогических идей в России интересную критику схоластической духовной школы и наметили пути к ее реформе.

Наконец, последняя особенность в развитии просвещения в Тверском крае в XVIII в. заключалась в том, что здесь развернулась прежде, чем в других губерниях, сеть малых и главных училищ Екатерининской эпохи.

XVIII век в истории народного образования был временем организации первой сети школ, осуществляемой в порядке обще-государственной меры. Развитие школьного дела шло в соответствии с социально-политическими условиями эпохи прежде всего по линии удовлетворения культурных запросов дворянства и росшего торгово-промышленного класса.

По отношению к крестьянству в это время были лишь первые робкие начинания в области открытия школ, пока только для государственных крестьян.

О государственных мероприятиях в области просвещения помещичьих крестьян, над которыми продолжало тяготеть, усиливаясь и расширяясь, крепостное право, не было и речи.

¹⁾ За отсутствием цифровых материалов о количестве учащихся по всем городским школам губернии итогов не приводим.